

Андрей Анисимов
Записки рыбакова

«Автор»

2003

Анисимов А. Ю.

Записки рыболова / А. Ю. Анисимов — «Автор», 2003

Эту книгу с интересом прочитают многие. И те, кто ностальгически вспоминает, как можно было прежде ездить по огромной стране, не пересекая при этом ни одной государственной границы. И знатоки рыбной ловли или просто любители природы, не слишком испорченные цивилизацией. Автор – рыбак почти с полувековым стажем, по образованию художник, а по роду основной деятельности писатель. Вот почему его глаз зорек, наблюдения красочны, а текст легкий, точен и увлекателен. Он захватывает и не отпускает читателя с первых страниц до последних строк.

© Анисимов А. Ю., 2003

© Автор, 2003

Содержание

О чем и почему	5
Треска и феи	7
Стакан водки и головастики	9
Родственники жены – не всегда зло	11
Партийный карп на буковине	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Андрей Анисимов

Записки рыболова

О чем и почему

Не стоит воспринимать эту книгу, как пособие начинающему рыболову. Конечно, за пятьдесят лет ужения, делу которому я никогда не изменял, чего не могу сказать о многих других делах, некоторый опыт и наблюдения появились. Рыбы как и люди имеют разные замашки и потому, направляясь за ними на охоту, это следует учитывать. Например, плотва дура, дурой и надо только знать что она ест в данном водоеме в данное время. Но даже если и этого не знать, все равно поймашь ее на тесто, хлеб, или ручейника. Другое дело хитрый линь. Этот тихоня осторожен и привередлив. Он словно вечно напуганный буржуа всегда ждет подвоха. Простофиля, лещ придет на прикормку, и характерно приподнимет поплавок трубой своих губищ, а потом плавно потащит вниз.

Щука жадина и обжора. Я не раз вытаскивал щук, в брюхе которых было по несколько крупных плотвиц. В Одессе говорят: «Жадность фраера сгубила». Сгубила она и не одну щуку. Окунь бесцеремонен и смел. Хватает и червяка и малька, только найди его стаю. Форель умница. За ней по быстрым речкам придется потопать. Раз забросил, не поймал, больше не возьмет.

За свой рыбацкий стаж я исколесил не только Россию. И куда бы я ни ехал, если даже цель поездки была вовсе не рыбацкой, в багажнике машины (а машин изъездил больше дюжины) всегда рыболовные снасти.

Если перечислить водоемы, куда довелось забрасывать крючок с наживкой, придется заполнить не одну страницу. Среди них Тиса и Буг, Кубань и Волга, Волхов, Гауя, Кейла, Взыбь, Кура, Аму-Дарья и Медведица, Балтийское, Азовское, Черное, Средиземное море, озера Селигер, Сиваш, Унгури, Чудское и множества мелких без известных названий.

Но опыт опытом, а тонкого спортивного изощрения от меня здесь ждать не следует. Вообще спорт ли рыбалка? Конечно за время рыбацкого стажа выпало не мало приключений – пришлось выплывать в ураганный ветер, бегать на веслах до одурения в поисках кружков, пробираться сквозь колючки на горных речках в погоне за форелью, промокать в палатке, застревать и вытягивать машину. Все элементы приключенческого жанра в рыбацкой судьбе присутствуют. Помню с Сенежского последнего льда, который к полудню раскис, меня добывали местные танкисты на военной амфибии... А сколько раз случалось тонуть – отдельная повесть. Но при всем при этом, я рыбалку как спорт не воспринимаю. Рыбалка это страсть. Если нет поблизости водоема, мне такое место для жизни, а еще точнее, для полной жизни даром не нужно. В этих записках я, конечно, поделюсь своими рыбацкими хитростями, но кроме самого ужения в рыбацких походах очень много всего помимо рыбы. Это и удивительные встречи, удивительные судьбы, невероятные ситуации. Сколько я повстречал людей в своих поисках рыбы. В основном это конечно мужчины. Поэтому я и назвал свою книгу «МУЖИК и РЫБА». Каждое место, запомнившееся по рыбацкому сюжету, тянет и воспоминания о встречах. Чаще всего такие встречи больше не повторяются. Коснулся человек твоей судьбы и исчез. Эта книга еще и дань этим встречам.

Свои романы и повести я всегда стараюсь наполнить острыми сюжетными коллизиями, считая, что художественная литература без увлекательного сюжета, словно кастрированный кот в квартире старой девы. Рыбацкие записки это особый жанр. Но для рыбака каждая рыбалка имеет свой острый сюжет и потому, рыбаки со мной согласятся, что описание события вполне можно назвать остросюжетным, а читателю к рыбацкой теме равнодушному, я бы

вообще не советовал брать эту книгу в руки. Для него в моей прозе найдется немало других названий.

Треска и феи

Друзья ничего не смыслящие в рыбалке, сочувственно спрашивают, когда я возвращаюсь со смехотворным уловом – Ты, наверное, сидел в лодке и думал о будущих книгах? Чтобы не огорчать друзей, киваю головой. На самом деле должен честно признаться, когда гляжу на поплавок, в голове не одной мысли. Ни только о будущей книге, а просто ни одной.

Что же за радость сесть в лодку, подобраться к заветному камышу или омуту, забросить удочку и задуматься о посторонних вещах?! Поплавок тем и хорош, что эта замечательная штука поглощает тебя с потрохами. Не приобщенная к нашему таинству публика, ухмыляется, когда супружница сообщает, будто ее муж отбыл на рыбалку. Обыватель уверен, что супруг взял удочки для блезиру и направил свои стопы к свежей деве, дабы супружница приелась. Помню бородатый анекдот: – малолетний детеныш вопрошает у маменьки:

– Мама, есть ли такая рыба, маникюрша?

– Нет, сыночек.

– Почему же папа сказал, что они вчера поймали маникюршу и жарили всю ночь?

Подобных анекдотов сколько угодно. Кстати, не только в русском бытовом фольклоре рыбак ассоциируется с гулякой и бабником. Французское «pêcheur» также несет двоякий смысл.

Не хочу говорить за всех, но за себя скажу с полным основанием, что очень редкая женщина может заставить отказаться меня от рыбалки. Пожалуй, лишь в ранней юности я пытался совместить оба увлечения и брал барышень и удочки. Но очень быстро разобрался, что эти удовольствия надо делить. Свои убеждения я неоднократно проверял практикой. Могу привести совершенно конкретный случай. В конце восьмидесятых, мой приятель, начальник солидной организации, пригласил меня выйти в море с лирической целью. Его учреждение имело приписанный кораблик и вечно готовую к отплытию команду.

– Можно я вместо лирики займусь рыбалкой? – Спросил я. В те годы выход в море был делом мудреным и требовал множества пограничных формальностей. Я резонно заметил, что лирикой можно заниматься и на берегу, а вот треску ни на берегу, ни в речках поудить нельзя.

– Делай, что хочешь... – Улыбнулся мой друг: – Я захвачу для страховки еще одного парня, но и ты не зарекайся. – Он был абсолютно уверен, что прелестные феи, которых он пригласил в плавание, заставят меня забыть о треске. Но не тут то было. Треску я в жизни ловил первый раз. Чего о феях сказать не могу.

Я спросил, пожилого ветерана, возившего моего приятеля на казенной черной «Волге», какую нужно брать снасть. Старый водитель ни в первой выходил в море, и пока хозяин предавался греховным радостям, тягал треску.

– Бери спиннинг пожестче, леску потолще и блесну потяжелее. – Посоветовал он. Я точно выполнил наказ и вот мы на борту. В каюте, за уютно накрытым столом, мне представили юных прелестниц. Я поцеловал им ручки и стал готовить снасть. За пятнадцать минут, пока суденышко миновало пограничную вышку и я на палубу выходить не имел права, поскольку плыл без разрешения «зайцем», успел сделать дивам несколько банальных комплиментов и выпить с компанией рюмку водки. Ветеран готовился к ловле не палубе. Он имел все необходимые разрешения, и пограничники это знали. Кораблик вышел, примерно, на километр, в глубь залива. С моря Таллинн выглядел сказочно. Но долго красотами я любоваться не стал. Суденышко выключило двигатели и легло в дрейф. Ужение трески не требует особых выкрутасов. Жесткий спиннинг с киевской катушкой, тяжелая блесна метров на двадцать летит вниз. Дальше необходимо делать движение мормышечника у лунки. Разница лишь в том, что движения эти гораздо размашистей и крупнее. Ни удара, ни поклевки я не ощутил. Ощутил тяжесть.

– По-моему зацеп, – сказал я ветерану.

– Треска – невозмутимо ответил он. Я принялся наматывать лесу на катушку. Тяжесть двигалась, но без живого трепета рыбы. Наконец, еще в глубине, я заметил, как ко мне снизу идет треска. Ее белое брюхо вращалось и мерцало сквозь голубую толщу. Рыбина все ближе. Вот ее голова вышла из волны.

– Теперь поднимай на борт. – Приказал ветеран. У него тоже села треска, и он скручивал лесу. Действительно, самым трудным оказалось поднять рыбину на борт. Хорошо, что я послушал знатока и взял стальной спиннинг. И он согнулся до предела. Пластик я бы, конечно, поломал.

Не без напряжения подтягиваю треску. Вот она прыгает по палубе. Килограмма на три – сообщаю я.

Не больше двух. – Отвечает водитель, и вытаскивает на борт рыбину, вдвое больше моей. От волнения лезу за сигаретой.

– Лови, под нами косяк. Курить успеешь. – Советует мой наставник. Я снова опускаю блесну. Рыбалка превращается в работу. Две, три, четыре. За час выуживаю девять рыб. Вес каждой от двух до четырех килограмм. Основная часть трески – голова. Она и весит половину. Случалось, я покупал треску на таллинском рынке. Варил уху и жарил, но особого наслаждения от результата не испытывал. Теперь, попробую свеженькую. Мне часто доводилось слышать, что свежесловленная треска замечательна на вкус и резко отличается от покупной. Должен признаться – никакой разницы. Волокнистая, мочалистая рыба. Одна радость, костей мало. Возможно, дальневосточная треска съедобнее. Но там я ее не ловил, и врать не хочу. Не могу сказать, что и сам процесс ужения трески оставил необычайное впечатление, но и спустя годы готов твердо заявить, что никогда не жалел о своем выборе в тот день между рыбалкой и лирикой. Тем более, что теперь косяки этой рыбы обходят наш залив стороной, и рассказы о ее ловле отошли в область рыбацких преданий.

Стакан водки и головастики

Если совмещение рыбалки и лирики к хорошему не приводит, то еще меньше радости совмещать рыбалку с горьким пьянством. На эту тему народ придумал не меньше анекдотов. Самый распространенный из них: друзья собрались на рыбалку и в машине спрашивают один у другого:

- Огурчики взял?
- Взял.
- Колбаску взял?
- Взял.
- Минералочку взял?
- Взял.
- Водочку взял?
- Обижаешь! Пять бутылок...
- А удочки?
- Забыл.
- Ну и хер с ними. Возвращаться дурная примета...

В студенческие годы мы собрались на Шатурские озера с компанией ребят из биофака МГУ. Двое из них учились на вечернем, а днем подрабатывали лаборантами. Кроме снастей в их рюкзаках покоились литровые бутылки с медицинским спиртом. Пить мы начали прямо в вагоне. Молодые организмы принимали спирт легко. Нехитрая закуска вроде «частика в томате» вполне удовлетворяла. Девочек среди нашей компании не было, и мы рассказывали мужские похабные анекдоты, до слез хохотали и с каждым десятком километров нас грело все больше и больше. Кто-то запел. Все шло прекрасно. В Шатуре мы вывалились из поезда, радуясь, что даже контролеры оставили нас в покое. Ехали мы, естественно, без билетов. Видно, шесть дюжих, сильно поддавших молодцов двум проверяющим дамам показались опасной бандой и они, пожурив нас, ретировались. Шатура для опасной банды не являлась конечным пунктом маршрута. Память, сильно затуманенная спиртом, не может восстановить события достаточно точно. Помню, что требовалось еще километров сорок преодолеть на местной кукушке по узкоколейке. Гогоча и выкрикивая всевозможные глупости, мы двинулись по шпалам узкоколейки пешком. Сколько шли, и почему приняли такое решение, теперь объяснить не могу. Но отчетливо помню, что паровозик запыхтел сзади, выпуская злобный дым и надрываясь гудком. Рельсы мы не уступили, и составу пришлось остановиться. Мат машиниста компания восприняла как очередную шутку. Отбравив нас, он все же дождался, пока мы погрузимся, и за стакан спирта согласился остановиться у нужного места. Там начиналась цепь небольших озер, и официальной остановки не имелось. К приглянувшемуся озерцу мы притопали, когда солнце село. Если учесть, что большая часть спирта нами уже была освоена, можно представить, как мы ставили палатки...

Проснулся оттого, что у меня горит бок. Для устрашения комаров я чадил кубинскую сигару. Сигары в те времена продавались в каждом ларьке и стоили копейки. Когда я повернул горящий бок к земле, раздалось шипение и, пошел дым. Видно, сигару затушил не до конца и сунул в карман, а палатку мы умудрились поставить на болоте.

Когда, наконец, рассвело, оказалось, что мы встали биваком на берегу большой болотной лужи, глубина которой не превышала 30 сантиметров, и кроме головастика и плавунцов в ней ничего не водилось.

Обратно ехали молча, каждый проклинал себя и всю честную компанию. С тех самых пор напиваться в рыбацких походах я завязал. Это вовсе не значит, что вечером у костра не поз-

волить себе под уху чарку, другую. стакан водки, выпитый на природе перед сном, прекрасно венчает удачный рыбацкий день и вовсе не приводит к тупому опьянению. В темноте ночи, когда кончаешь ловить, переставая видеть поплавок, уха с чаркой и беседа с рыбаками большое удовольствие. Без таких костров и таких чарок рыбалка стала бы куцей. Но напиться до дури – значит портить себе охоту, и сводить на нет, все ради чего потрачено столько усилий. Усилий убедить семью и получить отгул, выкроить несколько дней для упоительного хобби, собраться, наконец, как следует, проехать сотни километров... Зачем? Для того чтобы напиться, достаточно позвать собутыльника, спуститься в магазин или открыть холодильник...

Родственники жены – не всегда зло

Теперь о памяти. Не знаю как у других рыбаков, а я отчетливо помню все хоть чем-нибудь замечательные рыбалки. Я не признаю рыбалки зимней. Понимаю, что в ней есть свой азарт и свои радости. Но я должен видеть воду, чувствовать, как она движется, где у нее водовороты и обратные течения, мели и перекаты, где тихие заводи. Очень люблю ловить в быстрых реках, но иногда стеречь леща, карпа или сазана в тихой воде не менее увлекательно.

Конечно, лучше запоминаются крупные трофеи. Но не только уловом замечательно это хобби. Простите за иноземное слово, русский язык не имеет синонима. Хотя считаю, что все остальное в моей жизни хобби, а рыбалка и есть то, ради чего стоит жить.

Я не раз думал, почему кусочек пенопласта, окрашенный в яркий цвет, так завораживает? Или это просто дикарская жадность к добыче, словленной собственными руками? Нет, тогда я не брезговал бы сетью или телевизорами. А мне сеть совершенно не интересна, да и рыба, вытянутая из нее, не кажется такой желанной, словно куплена в магазине. В рыбацкой памяти застревают и совсем мелки штрихи, и целые события связанные с ужением. Иногда и не рассчитываешь, что произойдет чудо, а оно происходит. Иногда едешь на заведомо чудесную ловлю, а приезжаешь пустой и без рыбы и без впечатлений. И еще одна особенность рыбацкой натуры – хочется поделиться. Поделиться с понимающим тебя собеседником. Тоже рыбаком. Другой – не поймет. Случаи, о которых пойдет речь, произошли в моей рыбацкой судьбе в разные годы, и я не стану соблюдать хронологию, потому что для данной темы хронология не имеет ни малейшего значения...

У моей первой жены родственники каким-то образом проживали в Николаеве. Я упрямился ее отправить к ним, в надежде, что смогу по их наводке найти на Буге рыбацкие места и вдоволь поудить разную рыбу. Хотелось выловить такую рыбку, которая не водится в нашей средней полосе.

Милый частный домик в плюще и винограде. Хлебосольный хозяин – редактор местной газеты. Его, только что вернувшийся после армии, сын, дюжий молодец, похожий на Микулу из Гоголя. Сын на днях сыграл свадьбу. Его новобрачная, еще совсем ребенок с голубыми глазками удивленно раскрытыми в мир и хорошенькой головкой, вовсе не приспособленной к мыслительному процессу. Нашу хозяйку, жену редактора, я совершенно не помню. Отсидев положенные три часа за столом, что само по себе является для меня испытанием терпения и воли, я упрямился наших любезных хозяев поскорее вывести нас на Буг. Нас привезли к маяку и поселили в домике для отдыха, возле смотрителя. Служитель маяка имел две коровы, что облегчало проблему питания. Коровы это и молоко, и простокваша, и творог, да и само присутствие этих милых и доброжелательных тварей, делает существование надежным и уютным.

В Буге я никогда не рыбачил и не знал, что там водиться. Но всегда возил с собой поплавочную удочку и спиннинг. Знаю, что рыбаки делятся на поплавочников и спиннингистов. Я типичный поплавочник. Блеснить не люблю, но на хищника охочусь с удовольствием. Спиннинг использую как удочку, с большим поплавком и тяжелым грузом. Спиннингом я ловлю хищника на живца. Настоящие спиннингисты гордятся меткостью и точностью заброса. Должен сказать, что живца тоже шныряю изрядно и могу попасть в оконце травы за пятнадцать, двадцать метров. Заброс наживки под берег, не менее сложен, требует особой меткости и глазомера. Кроме того, ловить на живца вовсе не значит бросить крючок с приманкой и ждать поклевки. Но об этом я расскажу в другом месте. На Буге же, мне из спиннинга пришлось делать донку, потому что здесь все ловят на донку. Первая проблема, с которой сталкиваешься в засушливых степных районах – насадка. Добыть червяка в сухом песчаном грунте затея безнадёжная. Червей приходится копать в реке. Это довольно хлипкие плоские оранжево – желтые создания. Они легко рвутся, и добыть их труд еще тот. Берешь лопату и по колено в воду.

Зачерпнул и на берег. Ком песка разваливается на части, и сразу видишь, есть или нет. Если повезет, и нападешь на место, в одном заходе получишь два три червяка.

В Буге водится много разных пород рыбы. Водится в нем и большой бычок – ротан. Эта рыбка достигает двухсот грамм, весьма прожорлива и нахальна. Ее можно ловить и на резку, – кусочки рыбы. Это я узнал у смотрителя маяка, благо тот совмещал свое смотрение с рыбалкой. С вечера приготовил все. Несколько раз прошелся по берегу, оглядывая широченный Буг. От волнения предстоящей охоты заснуть сразу не удастся. Долго ворочаюсь, предвкушая утренний поход. Несколько часов тревожного сна и долгожданный рассвет. В лодке поплавочное удилище, спиннинг, переделанный в донку и снабженный несколькими крючками десятого номера. Червяки в плоской черной коробке с дырочками, приобретенной много лет назад в Москве на Новоконной площади. О знаменитом московском «Птичьем рынке» еще поговорим. Кроме удилищ, на дне лодки подсачек, корзинка с творогом, бутылка молока, в кармане непочатая пачка сигарет. Во время рыбалки очень курится. Не знаю, как уйти от этого вредного занятия, но ничего не могу поделать. В отдельном целлофановом пакете коробок спичек, зажигалка может отказать, кончится газ или вылетит кремь. В последний раз проверяю поклажу, и отпихиваюсь от берега. Огромная река бесшумно плывет навстречу розовым туманом. Накануне, выпросил у своего хозяина, каков рельеф дна. Знаю, что гребу над мелью. Эта мель уходит в глубину песчаной косой и там уже метра два, затем глубины. Меряю дно шестом. Пока мелко. Медленно продвигаюсь в задуманном направлении. Еще вчера, решил, что стану на краю отмели.

Во-первых, на меня не наткнется пароход, во-вторых, конец отмели и начало глубины, излюбленные места кормежки разных рыб. Не знаю, как объяснить это чувство – настоящие рыбаки меня поймут. Даже на незнакомом водоеме, не слишком представляя характер местного рыбьего народа, подспудным, нутряным зрением, находишь место. Опускаю шест, и он не достает дна. Подаю назад. Шест нащупывает крепкий грунт. Бросаю якорь с носа, устанавливаю лодку вдоль конца мели и бросаю второй груз с кормы. Теперь не будет мотать ни течением, ни ветром. Расправляю удилище. Не терпится забросить снасть... Тогда можно затянуться и первой сигаретой. Вот только кину прикормку... Но где она? Ведерко с пареным комбикормом, смешанным с песком я приготовил еще вчера. Мой хозяин любезно показал, где лежат в сарае мешки для коровьего рациона. И теперь в самые волнительные минуты понимаю, что ведерко оставил на берегу. Внутренний голос произносит по адресу собственной персоны весь имеющийся в глубинах памяти джентльменский набор. Ругаться вслух не дает удивительная красота утра. Край солнца только появился и клубящийся туман ползущими клочьями то открывает край светила, то размывает его. Герценовский вопрос – что делать – встает неотвратимо. Возвращаться – плохая примета. Так хорошо поставил лодку. Снова вытаскивать грузы? Но, перебив сомнения, – без прикорма серьезной рыбалки может и не получиться – решаюсь.

Полчаса потеряно. Прикормка в лодке. Внутренний голос понемногу перестает извлекать ненормативные характеристики в собственный адрес. Снова отыскиваю конец мели. Нахожу его, но не в том месте. Здесь не только кончается мель, но и течение дает обратный ход. Широкий круг, тихая воронка катит струи в радиусе двадцати метров. Такое может лишь приниться в рыбацком сне. Глубина подо мной метра полтора и дальше яма. Снасть уже приготовлена. Наживляю плоских оранжевых червяков и забрасываю поплавочную удочку. Через секунду поклевка. Я еще не успел запалить сигарету. И полное разочарование – обыкновенная плотва. Рыбка граммов на пятьдесят. Где-нибудь на подмосковной Яузе это трофей. Но тут, на далеком мощном Буге, плотвичка выглядит, как насмешка. Вспоминаю советы смотрителя, достаю ножик и разрезаю рыбку на небольшие кусочки. Заряжаю крючки донки и забрасываю снасть в глубину ямы. Пока вожусь с поплавочным удилищем, конец спиннинга начинает нервно дрожать. Хватаю спиннинг – есть. Наматываю катушку. На двух крючках сидят грязно коричневые бычки. Я не знал, что они бывают такие огромные. Жадные пасти не хотят отпус-

кать кусочки плотвы. Первый трофей падает в садок. Забрасываю поплавочную удочку. Снова поклевка, но не быстрая, а с кладкой поплавок. Подлещик, грамм на четыреста. Это уже нечто. Снова забрасываю донку, с теми же кусочками плотыцы. Я выдрал их из цепких бычачьих ротиков. За ротки их тут и кличут ротанами. Снова бычки. На этот раз все три. Два больших коричневатых с разводами, а один меньше, но черный, и не такой головастый. Понимаю, что с двумя удилищами, поплавком и донкой не справлюсь. Любовь к поплавку пересиливает. Донку откладываю в сторону. Поплавок тянет течение, он то движется, то тормозит грузом за дно. Поклевка резка, не успеваю заметить. Подсекаю. Что-то очень солидное. Ведет себя не привычно. Тяжело и тупо сопротивляется. Дрожащими руками наматываю обороты на катушке. Через минуту вывожу нечто черно-белое и плоское. Камбала. Рыбина грамм на семьсот, но за счет плоского тела, которым она упирается, ставя его поперек, кажется килограмма на три. Беру подсачком, разглядываю. Какая же красивая тварь. Это совсем не та серая подошва, что мы привыкли видеть в рыбных отделах московских магазинов. Густо черная с коричневым спиной, и ослепительно белое брюхо. Маленький ротик так цепко держит крючок, что приходится повозиться, чтобы достать его. Пять бычков, подлещик и камбала минут за пятнадцать ловли. Да Буг, это не Клязьма. Наконец торопливо выкуриваю сигарету и только после этого снова забрасываю. Минуты три поплавок болтается по кругу течения. Потом останавливается. Странно... Это место он проходил несколько раз без задержки. Жду. Ничего. Поплавок словно прилип на месте. Поднимаю удочку, чуть подсекаю, опасаясь зацепа. Снасть бешено рвется вглубь. Чувствую, что на этот раз рыба серьезная, а я даже не успел подсечь путем. Не ожидал поклевки. Рыба выходить из воды не хочет. То затягивает под лодку, то уходит в яму. Беспокоюсь, что она зацепит мне леску за канаты груза. Пока умудряюсь этого не допускать. Но сил у рыбины полно и она не думает подтягиваться к сачку. Чувствую, что рвать нельзя, леска не выдержит. Но подлый рыбацкий азарт заставляет добавить усилие и сразу легкость... Эту гнусную легкость, после длительной борьбы с рыбой знает каждый рыбак. Что простительно новичку, то не прощается опытному мастеру, а я наивно считал себя таковым. Матерюсь и восстанавливаю снасть. От волнения долго маюсь с ушком крючка. Что за рыбу я упустил? На наших водоемах гадать бы не пришлось, а тут, на Буге, когда после обыкновенной плотвы, на крючок садится морская камбала, не знаешь, что и думать. Хоть какую-то информацию могла бы дать поклевка, но поклевки как таковой не было.

Солнце выползло, разгоняя туман. Соседний берег, далекий как в перевернутом бинокле, белеет точками хат. На бугре деревенька. По берегу плакучие ивы. Но мне не до пейзажа. Забрасываю удочку, добавляю подкормки. Поплавок продолжает свой танец. Поклевка следует через минуту. Характерная лещовая. Поплавок приподнимается, ложится, затем привстает и медленно ползет в глубину. Подсекаю. Лещ. Вываживаю за несколько минут. Поднятый он перестает сопротивляться. Красивый, золотистый, кило на полтора. Кладу его в садок и долго тру руки о штаны. Слизь у леща особенная. Руки липнут. Штаны не лучшее, что есть на свете для вытирания рук, но тряпку я не взял. Следующий час лещи и подлещики клюют не переставая. Один возле двух кило, остальные около килограмма и меньше. Садок уже тяжело поднимать. Но не оставляет азарт снова получить упущенную рыбу. Та по руке не меньше трех, четырех кило. Клев леща внезапно кончается. Бросаю подкормку. Поклевки больше не мешают выкурить сигарету. Проходит минут пятнадцать, и поплавок продолжает болтаться в водовороте без всяких признаков жизни. Начинаю расслабляться и оглядывать пейзаж. Где-то за маяком затарахтел трактор. По Бугу потянулись самоходные баржи река-море. Расслабуха на рыбалке опасна. Поплавок ныряет вглубь, без колебаний. Так берет щука на живца. Подсекаю, и снова замирает сердце. Противник в глубине что надо. По повадке чувствую, что это мой старый знакомый. Но теперь я хладнокровен. Я готов побороться и не спешить. Мы пробуем друг друга, чьи нервы окажутся крепче. Рыбалка и так удалась. В садке килограммов двенадцать рыбы. Что с ней делать не понятно. С женой мы столько съесть не сможем, а нашего

хозяина рыбой не удивишь. Стараюсь не давать слабины в леске. Рыба рвется под лодку, затем в яму. Это продолжается пять, десять, пятнадцать раз.

Понемногу зверюга устает. Но стоит мне подвести ее к полуметру от кромки воды, снова рвется в глубину. Чертов зверь. Вот он. Голавль. Рыбина килограмма на два не больше, а какая силища. Думал килограмм шесть выну. Беру его сачком, он уже готов, лежит на боку, показав светлое брюхо и кроваво красный нижний плавник. Красавец. Не могу положить в садок, вдоволь не налюбовавшись. Снова дрожь в руках, достаю сигарету. Все, больше сегодня ловить нельзя. Пропадет вкус. Такая великолепная точка должна стать последней. Теперь можно и расслабиться. Возле нашего маяка какие-то люди. Хозяин заводит машину, они садятся и уезжают.

Медленно шевеля веслами, плыву к берегу. Удовлетворение от такой охоты можно сравнить лишь с чувством удачно законченной книги. Эта рыбалка ляжет веселой памятью в рыбацкую копилку. Много забудется за годы, а черно-белая камбала и последний голавль, словленный на Буге, запомнятся до конца дней.

Партийный карп на буковине

Как появляется география рыбацких путешествий? Наверное, по-разному. Это зависит и от характера рыбака, и от его рода занятий. У меня случались самые неожиданные встречи и от них возникали новые маршруты. Я вдруг попадал в места, о которых не имел понятия. Однажды в Москве, сев в такси, я ехал в Переделкино, неожиданно разговорились. Добродушный водитель, оказался родом из Черновцов. Слово за слово – рыбак рыбака видит издалека. Таксист, став москвичом, сохранил в душе тоску по родным местам, которые с годами еще и идеализировал.

– Рыбалка на Буковине, это тебе скажу, рыбалка. Я выловил короба на десять кило, когда в прошлом году ездил на родину в отпуск.

Я, конечно, развесил уши. Приехав в Переделкино, мы еще полчаса сидели в машине, дабы счетчик считал в те годы копейки, а беседа на рыбацкую тему была мне куда дороже. Кончилась встреча тем, что я записал московский телефон водителя, адрес его брата в Черновцах и пригласил моего нового знакомого со мной отобедать. Таксист был на линии и еще не набрал план. Московские таксисты во времена развитого социализма должны были рублём двести привезти в парк и еще что-то положить себе в карман. Немалая толика уходила мелким начальникам и диспетчерам, подкармливать приходилось и механика и сменного мастера. Мой новый знакомый, поэтому, пообедать со мной не смог и больше я его никогда не видел. Прошел год или два, я с режиссером готовил сценарий для Ташкентской студии. Работать мы решили на Эльбурсе, в доме моего отца, заядлого горного лыжника и страстного фаната гор. Летом его дом пустовал за отсутствием снега, и я пригласил туда режиссера. Кроме него, я приволок и своего тбилисского друга, который должен был по ходу жизни обучать меня английскому. Я готовился в заграничное турне и нуждался в языке. За режиссером увязалась некая ташкентская дама, приписанная к картине в качестве редактора. Даму звали Ириной, и осталась она у меня в памяти благодаря тому, что требовала написания слова Аллах с маленькой буквы. Не по причине атеизма, а от безграмотности. Был я молод, самоуверен, и любил компании. Мой тбилисский приятель привез с собой невесту балеринку. Тогда она была просто его девушкой, а невестой стала в процессе путешествия. Они живут до сих пор, и, кажется счастливы. И так, режиссер, дама редактор, тбилисский друг с девушкой и еще, в качестве лирического дополнения, моя приятельница Наташа. Этой веселой компанией мы оказались в поселке Терскол Кабардино-Балкарской АЭССР, в пустом доме моего батюшки. Из окна дома в безоблачную погоду виднелись обе главы белоснежного великана Эльбруса, и было не жарко, что после Ташкента казалось раем. До обеда мы с режиссером честно сидели за сценарием, а по вечерам предавались всяческому веселью, не брезговали и Бахусом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.